

Выставка

Осколки и черепа «несоветского» художника

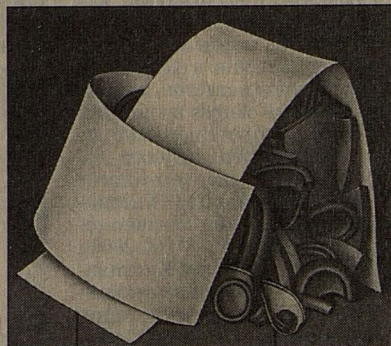
Живопись и графика Дмитрия Краснопевцева
в Третьяковской галерее

Этой осенью выставки в Третьяковке возникают одна за другой, как из волшебного цилиндра. Такое обилие, судя по всему, стало возможным по причине уже традиционного привлечения к процессу сторонних сил, причем не только спонсорских. Организаторские функции (а вместе с ними и многие проблемы) все чаще берут на себя галереи-компании. Партнеры бывают и «одноразовые», и постоянные. К последним принадлежит и даже выделяется теснотой объятий галерея «Кино», которая, потренировавшись в камерных условиях Московского аукционного дома, выпускает теперь свои проекты на большую арену.

В случае с Дмитрием Краснопевцевым, метафизиком и корифеем «несоветского» искусства, замах на респектабельность более чем оправдан, хотя релизы и аннотации несколько пережимают в формулировках. Сама же выставка получилась довольно репрезентативной. В музеях автор представлен слабо, так что демонстрируемые произведения мобилизованы в основном из частных московских собраний; лишь две живописные работы и несколько графических листов принадлежат ГТГ.

Краснопевцев, безусловно, был художником очень одаренным, цельным и последовательным. Как раз эти качества хорошо заметны в залах Инженерного корпуса, поскольку в отличие от постоянной мемориальной экспозиции в Музее личных коллекций здесь можно видеть ретроспективу – от композиций конца сороковых до работ последнего времени. Особое любопытство вызывают офорты и акварели, редко или никогда не появлявшиеся на выставках. Пожалуй, в офортах, изображающих пейзажи – условные европейские (дорога, кладбище, уютный плющом особняк) и наши провинциальные (деревня, пригород, перелесок), а также жанровые сценки в романтическом духе, художник меньше всего похож на себя привычного и одновременно где-то на подходе к самому себе. Главная же тема – философские, аллегорические натюрморты – возникает с первых шагов и постепенно оказывается единственной. В этом жанре Краснопевцева ни с кем не спутаешь, хотя эпитетов хватало. Творческий багаж художника в последние десятилетия не столько даже раздвигался на цитаты, сколько усиленно перелагался на язык обывательского интерьера. Между тем его расколотые кувшины, пожелтевшие свитки, камни, раковины, черепа, расположенные в отвлеченном пространстве, лаконичные по колориту и избавленные от случайных деталей, говорят о вечности, которая сквозит отовсюду, но редко бывает уловлена. Специфическая фактура оргалита, который использовался многими нашими авторами в качестве живописной основы лишь по бедности, у Краснопевцева служит дополнительным организующим средством.

Особо стоит сказать о «партийной принадлежности» Дмитрия Краснопевцева. Он всеми способами сторонился официальных творческих структур и действительно мог считаться нонконформистом, если бы только этим термином не стало привычно называть любого, кто нарицал что-нибудь антисоветское и рискнул показать приятелям. У Краснопевцева был другой путь – не диссидента, а художника; его причастность к шумным акциям прежних лет носила, скорее всего, вынужденный характер, что косвенно подтверждается последующим отходом от андеграундных компаний, почти отшельничеством. На выставке это можно почувствовать: он ни с кем и ни с чем не боролся, а только стремился отличать главное от второстепенного.

Осколки кувшинов, прикрытые
листами бумаги. 1976 г.

Дмитрий Смолен, для «Новых Известий».

Новые Известия. - 1999. - 18 нояб. - с. 7